

В рамках дискуссии

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-10

Насколько специфичны южнокорейские инвестиции в экономику России?

Сергей Феликсович СУТЫРИН¹⁾

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой экономики

Санкт-Петербургский государственный университет, 191123, ул. Чайковского, д. 62, ауд. 402, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: s.sutyurin@spbu.ru, s.sutyurin@hotmail.com

ORCID: 0000-0002-2429-7123

Ирина Александровна КОРГУН²⁾

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

Институт экономики РАН, 117218, Нахимовский проспект, д. 32, Москва, Российская Федерация

E-mail: irinakorgun@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1496-4375

ЦИТИРОВАНИЕ: Сутырин С.Ф., Коргун И.А. (2021) Насколько специфичны южнокорейские инвестиции в экономику России? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 2. С. 176–194.
DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-10

Статья поступила в редакцию 10.12.2020.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: 1) в рамках научного проекта РФФИ и Академии общественных наук Китая № 19-51-93009 «Торговая политика России и Китая в условиях трансформации международной торговой системы»
2) в рамках темы госзадания «Процессы региональной и трансрегиональной интеграции и их влияние на развитие экономики стран российского «пояса соседства»: новые возможности и угрозы для России».

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются южнокорейские зарубежные инвестиции в страны со средним уровнем дохода в 2012–2019 гг. Цель исследования состоит в том, чтобы выявить отличия и общие моменты с наблюдаемой структурой вложений в России за аналогичный период. Рабочей гипотезой является тезис о том, что инвестиционные стратегии конкретных стран определяются бизнесом, кото-

рый, в свою очередь, основывается на приоритетах компаний в части оптимизации ресурсов и максимизации прибыли в глобальном масштабе. В этом случае инвестиции в Россию являются частью инвестиционной стратегии отдельных фирм. Также в исследовании обсуждаются, какие новые отрасли могут стать потенциальным объектом для инвестиций южнокорейских компаний в Россию и каким образом может

на это повлиять сохраняющий режим санкций.

Полученные результаты указывают на то, что распределение южнокорейских инвестиций в России в целом соответствует тому, что можно наблюдать в других исследуемых странах. При этом размеры вложений прежде всего детерминированы мотивом получения доступа к рынку. В ближайшие годы сложно ожидать роста объемов инвестирования в Россию ввиду нестабильной ситуации в мировой экономике. Дополнительное негативное давление будет оказывать смена администрации в США и сохраняющийся режим санкций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: прямые зарубежные инвестиции, Россия, Южная Корея, санкции США, российско-южнокорейское сотрудничество

Введение

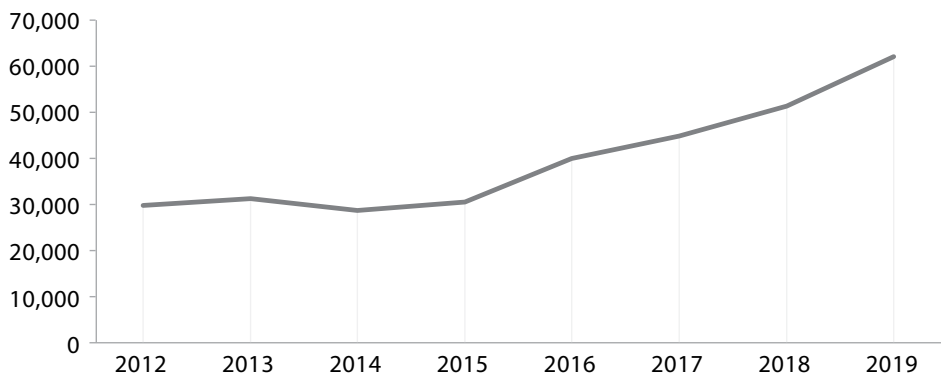
Международная инвестиционная деятельность южнокорейских компаний значительно возросла в 2010-е гг. По данным Корейского экспортно-импортного банка, в 2019 г. объем годовых

корейских прямых зарубежных инвестиций (ПЗИ) достиг исторического максимума – 61 млрд долл. США (рис. 1). Экспансия бизнеса из Республики Кореи (далее также Южная Корея) была направлена практически на все регионы мира, включая Россию. Однако интенсивность этой экспансии может иметь свои особенности, зависящие от целого ряда параметров экономического развития страны-реципиента и прежде всего уровня доходов населения.

Россия традиционно придает большое значение углублению инвестиционного сотрудничества с зарубежными партнерами. Республика Корея относится к тем странам, приток ПЗИ из которых сопряжен с получением российской экономикой широкого спектра ощутимых положительных эффектов. С этой точки зрения важно представлять, как характер инвестиций соотносится с общим трендом южнокорейских зарубежных капиталовложений.

В данной статье анализируется характер инвестиций, поступающих из Республики Корея в сопоставимые с Россией по показателю валового на-

Рисунок 1. Динамика южнокорейских ПЗИ в 2007–2019 гг., млн долл. США
Figure 1. Dynamics of South Korean FDI outflows in 2007-2019, USD million

Источник: составлено авторами на основании данных [Korea Exim 2020].

ционального дохода (ВНД) на душу населения страны. Как известно, ВНД на душу населения является интегральным показателем, который отражает уровень развития экономики и позволяет судить о покупательной способности населения. Эти параметры зачастую имеют принципиальное значение для бизнеса при принятии решений об инвестировании. Вместе с тем ВНД на душу населения широко используется в качестве исходного показателя при расчете широкого спектра экономических эффектов, например, выгод от торговли или инвестиций.

В качестве рабочей гипотезы был принят тезис о том, что на современном этапе развития мировой экономики, где большую роль играют глобальные цепочки добавленной стоимости, стратегии ведущих стран-инвесторов формируются на основе приоритетов их компаний в части оптимизации распределения ресурсов и максимизации прибыли в глобальном масштабе. Соответственно, на разных рынках компании действуют в рамках единой глобальной стратегии, отдельные элементы которой могут адаптироваться к конкретному рынку. В этом случае динамика и структура инвестиций в Россию будут определяться общей инвестиционной стратегией отдельных южнокорейских фирм. Также в исследовании обсуждается вопрос возможного влияния сохраняющегося режима санкций на среднесрочные перспективы инвестиций корейских компаний.

Информационной базой для исследования в части статистических данных о географической и отраслевой структуре южнокорейских инвестиций послужили материалы Корейского экспортно-импортного банка и Центрального банка России. Сведения о ВНД на душу населения взяты из базы данных ЮНКТАД.

Особенности южнокорейских инвестиций в 1990–2000-е гг.

В литературе принято выделять две группы факторов, влияющих на прямые зарубежные инвестиции: *факторы притягивания* и *факторы выталкивания* [Fernandez-Arias 1996]. *Факторы выталкивания* связаны с ограничением возможностей приложения свободного капитала в соответствующих юрисдикциях, что ориентирует компании на поиск зарубежных объектов для инвестирования. *Факторы притягивания* – это совокупность экономических, социальных, политических, правовых характеристик стран-реципиентов, которые делают их привлекательными для иностранных инвесторов. Согласно исследованию Fratzscher об инвестиционной активности в мире в 2005–2010-е гг., факторы выталкивания, которые не зависят от стран-реципиентов, играют не менее важную роль, чем факторы притягивания. При этом, как правило, в условиях нестабильности роль факторов выталкивания заметно повышается [Fratzscher 2012]. Иными словами, факторы, которые заставляют компании инвестировать за рубежом, могут доминировать над страновой спецификой стран-реципиентов. Однако последняя способна в определенной степени стимулировать или сдерживать инвестиционные потоки.

Все вышеизложенное важно иметь в виду, оценивая южнокорейские инвестиции в России в сравнении с другими странами-реципиентами. Резонно предположить, что на инвестиционные решения южнокорейских компаний прежде всего могут оказывать именно факторы выталкивания. К таким факторам, в частности, относится мотивация для выхода на зарубежные рынки и/или финансово-хозяйственное положение осуществляющей зарубежные капиталовложения компании.

Однако для работы на разных национальных рынках они нередко склонны выбирать различные модели инвестиционного поведения, зависящие от страны приложения капитала.

На основании комбинации факторов выталкивания и притягивания исследователи выделяют 4 типа мотивации [Dunning 1993] для осуществления ПЗИ: получение доступа к рынку (market-seeking), ресурсам (resource-seeking), технологиям (technology-seeking) и повышению эффективности (efficiency-seeking, экономия на издержках). Подобный подход вполне применим и к зарубежной инвестиционной активности южнокорейских компаний. Например, в исследовании [Kim, Driffield, Love 2018] отмечается, что после финансового кризиса 2008 г. южнокорейские ПЗИ в части лежащих в их основе причин эволюционировали по двум направлениям. С одной стороны, мотивация для ПЗИ в развитые страны сменилась с «получения доступа к технологиям» на «получение доступа на рынок». С другой стороны, на развивающихся рынках этот же мотив заменил ранее доминировавшее «повышение эффективности» [Kim, Driffield, Love 2018].

Подтверждение отмеченных выше перемен в мотивации, хотя они

датируются несколько более ранним периодом времени, содержится в результатах опроса, проведенного Корейской промышленной корпорацией [Korea Industrial Complex Corporation 2013, p. 14]. Выяснилось, что в 1990-е гг. южнокорейский бизнес инвестировал за рубеж преимущественно с целью развития экспорта (в приведенной выше классификации данная цель может быть связана с несколькими указанными мотивами) и экономии на трудовых издержках (фактически является частью мотива «повышение эффективности»). Вместе с тем в 2000-е и начале 2010-х гг. резко возрастает значимость доступа на рынок (табл. 1). Логично предположить, что схожая трансформация могла наблюдаться и при инвестировании в Россию в 2010-е гг.

В одной из своих работ авторы уже отмечали, что рост южнокорейских инвестиций в Россию в 2000-е гг. был обусловлен также и улучшением экономического положения в России. Увеличение доходов российского населения на фоне преодоления кризисных тенденций 1990-х гг. повысил в глазах южнокорейского бизнеса привлекательность российского рынка для инвестиций в целом [Сутырин, Попова, Коргун 2014].

Таблица 1. Типы мотивации южнокорейских компаний для осуществления ПЗИ, %
Table 1. Types of FDI motives of Korean companies, %

Тип мотивации	1993–2002	2003–2012
Доступ на рынок	6,3	44,8
Экономия на трудовых издержках	12,7	15,2
Преодоление торговых барьеров	4	4
Участие в ресурсных проектах	5,4	4,8
Развитие экспорта	59,7	27,0
Доступ к технологиям и ноу-хау	3,0	2,7

Источник: [Korea Industrial Complex Corporation 2013, p. 14].

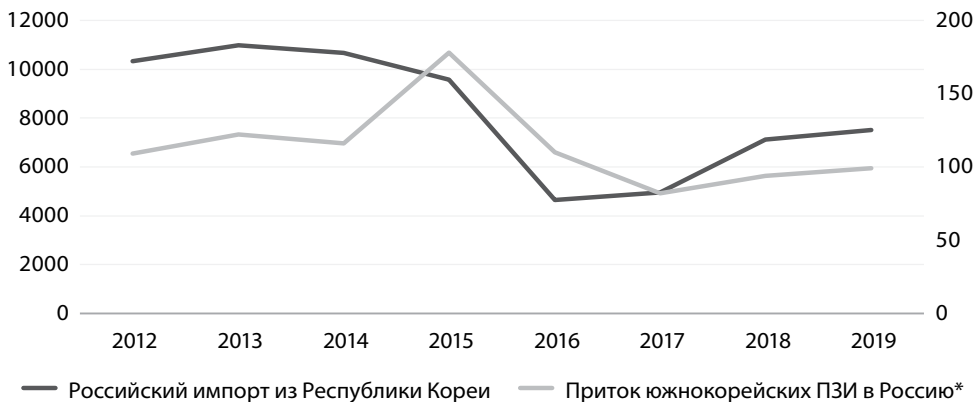
Исследователи в Республике Корея также отмечали ряд благоприятных факторов, которые стали дополнительными стимулами для инвестиций из этой страны. В 2000–2010-е гг. корейское правительство проводило «Новую северную политику», направленную на углубление сотрудничества с Россией, что способствовало определенной активизации бизнеса из Южной Кореи на российском направлении. В указанные годы довольно активно изучались возможности для реализации мегапроектов: развития транспортных магистралей в Евразии, использования Северного морского пути, трехстороннего сотрудничества в СВА, – с привлечением к сотрудничеству КНДР¹. Данная статья продолжает изучение южнокорейских инвестиций в Россию, концентрируя внимание на их специфике в 2012–2019 гг. и ее интерпретации в контексте инвестиций в другие страны с аналогичным уровнем дохода.

Динамика корейских инвестиций в экономику России в 2012–2019 гг.

В рассматриваемый период, в 2012–2019 гг., общий тренд южнокорейских инвестиций в Россию имеет форму перевернутой V: объем ежегодных вложений увеличивался до 2015 г. После этого он сократился до 82 млн долл. США, вернувшись к значениям, близким к 100 млн долл. США в 2018 г. и 2019 г. (рис. 2). Падение вложений из Южной Кореи после 2015 г. было вызвано обесцениванием российского рубля по отношению к доллару США в 2014 г., а также негативным экономическим эффектом санкций Запада. Несмотря на то, что Республика Корея не присоединилась к санкционным мерам, российско-южнокорейское сотрудничество ощутило на себе негативное влияние данного события. В 2016 г. более чем на 40% упал и внешнеторговый оборот.

Рисунок 2. Объем российского импорта из Республики Кореи и южнокорейские ПЗИ в Россию в 2012–2019 гг., млн долл. США

Figure 2. The volume of Russian imports from South Korea and Korean FDI outflows to Russia in 2012–2019, million US dollars

* Данные отложены по правой шкале.

Источник: составлено авторами на основании данных [UNCTAD 2020; Korea Exim 2020].

¹ Среди последних работ по данной проблематике можно отметить: [Song 2019; Lee 2015; Lee et al. 2015; Choi, Lee 2019; Kim 2019].

Всего за восемь лет южнокорейские компании вложили в российскую экономику 910 млн долл. США. Из них 48% пришлось на обрабатывающую промышленность, далее следует сектор розничных продаж, сельское хозяйство, строительство, финансовый сектор и горно-добывающая промышленность (табл. 1). Среди новых проектов в обрабатывающей промышленности стоит отметить запуск производства бойлеров и отопительного оборудования компанией «Навьен», которая с 2016 г. является обладателем знака «Марка года» в России [Kyeondong Navien 2019], покупку компаний СиДжэй российского производителя полуфабрикатов «Равиоли» и ее вхождение в холдинг «СиДжэй Чейль Чедан» [CJ Cheil Jedang 2020], выход на российский рынок косметического гиганта «АморэПасифик» [Lee 2020].

Сектор розничных продаж занял вторую позицию в качестве объекта для инвестиций благодаря тому, что в 2015 г. был одновременно сделан довольно крупный объем вложений на сумму 109 млн долл. США. Из них 78 млн долл. США пришлось на розничные продажи кондитерских изделий, еще 17 млн долл. США – на розничную сеть автодилеров (табл. 2). В числе стабильных получателей южнокорейских ПЗИ было

и российское сельское хозяйство. Период после 2014 г. также был отмечен единичными проектами в финансовой сфере. Стоит иметь в виду, что вторая половина 2010-х гг. характеризуется повышением глобальной инвестиционной активности южнокорейского бизнеса в секторе финансовых услуг, что выразилось в росте его доли в структуре совокупных южнокорейских ПЗИ в мире.

Вписывается ли Россия в общий тренд?

На динамику южнокорейских инвестиций в Россию в 2012–2019 гг. влияние могли оказывать различные факторы. Восприятие потенциала российского рынка, общих условий ведения бизнеса в стране, финансовое положение корейского бизнеса и его переход на новую стадию инвестиционного цикла – каждый из данных аспектов и по отдельности, и в совокупности воздействовал на стратегии корпоративного сектора Южной Кореи в области осуществления капиталовложений.

Для подтверждения (или опровержения) отправной гипотезы проанализируем, насколько динамика инвестиций в Россию совпадает с общим трендом

Таблица 2. Отраслевая структура южнокорейских ПЗИ в Россию в 2012–2019 гг., млн долл. США

Table 2. Industry structure of South Korean FDI outflows to Russia in 2012–2019, USD million

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Сельское хозяйство	25	12	9	8	10	7	21	7
Добывающая промышленность	16	–	3	0,2	18	–	1	1
Обрабатывающая промышленность	60	42	50	59	51	50	52	75
Услуги	9	68,3	54	110,8	31	24,9	20	16
Итого	109	122,3	116	178	110	82	94	99

Источник: составлено авторами на основании данных [Korea Exim 2020].

южнокорейских ПЗИ в страны с аналогичным уровнем дохода на душу населения. В этом же контексте заслуживает внимания и вопрос о том, насколько характерно приведенное выше отраслевое распределение вложений для других государств, входящих в указанную группу.

По данным ЮНКТАД российский валовой национальный доход на душу населения в 2012 г. составлял 14 875 долл. США в текущих ценах, к 2018 г. он снизился до 11 110 долл. США в текущих ценах (рис. 2). Для сравнения были выбраны страны, ВНД которых варьировался в пределах 10–20 тыс. долл. США. В 2012 г. таких стран было всего 19. В их число попали Аргентина, Бразилия, Венгрия, Венесуэла, Казахстан, Латвия, Литва, Малайзия, Мексика, Польша, Словакия, Турция, Уругвай, Хорватия, Чехия, Чили, Экваториальная Гвинея, Эстония. И только в 11 из них Корея осуществляла инвестиции: Аргентину, Бразилию, Казахстан, Малай-

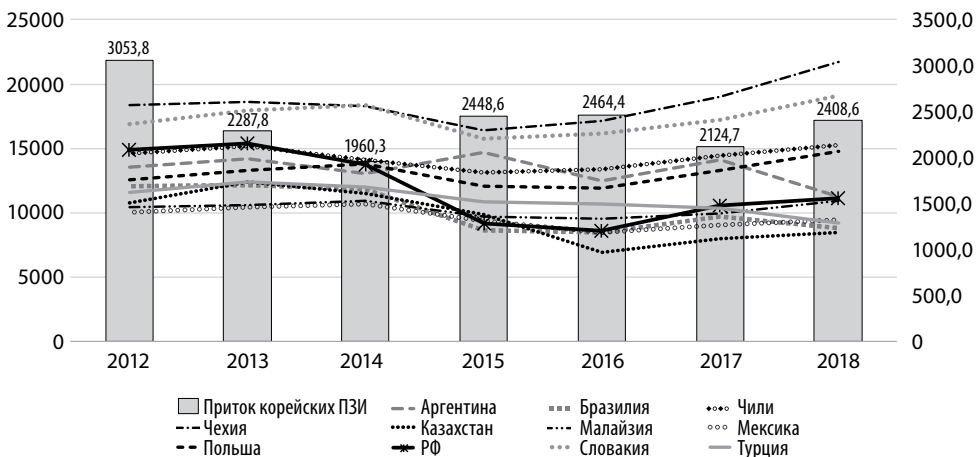
зию, Мексику, Польшу, Россию, Словакию, Турцию, Чехию, Чили. Это довольно разнородная с точки зрения географического положения совокупность, динамика ВНД на душу населения которых на протяжении 2012–2018 гг. также была различной (рис. 3).

В целом динамика ежегодных вложений из Южной Кореи в 11 стран с доходом на душу населения в пределах 10–20 тыс. долл. США, представленная на рисунке 3, была схожа с той, что наблюдалась в России. Иными словами, южнокорейские ПЗИ сокращались в 2013–2014 гг., 2016 г. и увеличивались в 2015 и 2017 г. Соответственно, наблюдавшиеся колебания инвестиционных потоков на российском рынке отражали общий тренд.

Сопоставление динамики притока южнокорейских инвестиций в указанные 11 стран с изменением уровня их ВНД в 2012–2018 гг. позволяет ставить вопрос о признаках обратной свя-

Рисунок 3. Динамика ВНД на душу населения (долл. США) и поток южнокорейских ПЗИ в 2012–2018 гг., млн долл. США

Figure 3. Dynamics of GNI per capita (US\$) and South Korean FDI outflows in 2012–2018, USD million

* Данные по южнокорейским ПЗИ отложены по правой шкале, данные по ВНД на душу населения 11 стран – по левой.

Источник: составлено авторами на основании данных [UNCTAD 2020; Korea Exim 2020].

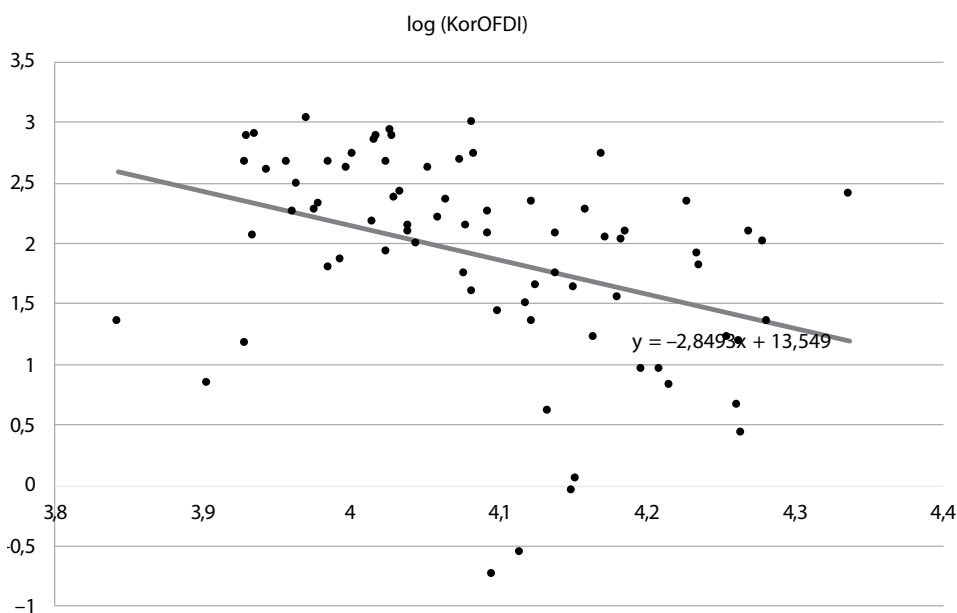
зи между двумя показателями. Южнокорейские ПЗИ имели тенденцию снижаться при повышении уровня ВНД на душу населения (рис. 4). Это отличает характер инвестиций в указанные годы от наблюдавшегося ранее, когда, как отмечалось выше, инвестиции в Россию росли на фоне увеличивавшегося уровня дохода. Но обратная связь между объемом инвестиций и доходом на душу населения также вступает в известное противоречие с данными о том, что в указанные годы основная мотивация южнокорейских инвесторов состояла в том, чтобы получить доступ на рынки стран-реципиентов (*market-seeking investment*). Если бы это было так, то

в рамках простейшей интерпретации рост доходов ассоциировался бы с ростом покупательной способности населения и стимулировал инвестиции.

Можно предположить, что наблюдаемые различия инвестиций в указанных 11 странах были связаны не с одним типом мотивации, а сразу с несколькими. Южнокорейские компании были нацелены на то, чтобы обеспечить комплексный эффект от вложений, выражающийся в получении доступа на рынки, обеспечении ресурсами и оптимизации распределения производственных мощностей бизнеса в глобальном масштабе². В таком случае достижение одной из поставленных целей (напри-

Рисунок 4. Соотношение притока южнокорейских ПЗИ с уровнем ВНД на душу населения в 11 странах в 2012–2018 гг.

Figure 4. The ratio of South Korean FDI outflows to the level of GNI per capita in 11 countries in 2012–2018

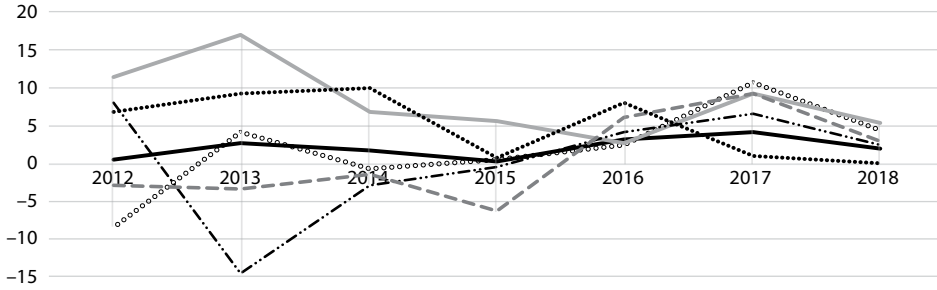

Источник: построено авторами на основании данных [UNCTAD 2020; Korea Exim 2020].

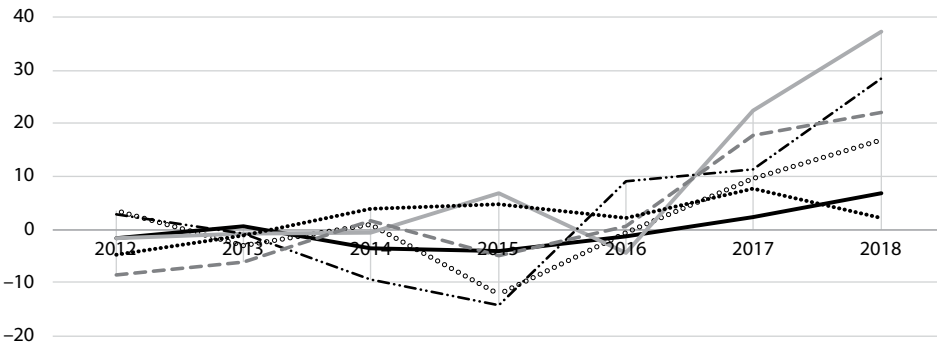
² Отдельно отметим, что стратегия по заключению Южной Кореей соглашений о зонах свободной торговли со странами Юго-Восточной Азии и Латинской Америки строилась, исходя из возможности получения именно такого комплексного эффекта [Korgun 2016].

Рисунок 5. Показатели деятельности корпоративного сектора Республики Кореи по отраслям обрабатывающей промышленности в 2012–2018 гг., %
Figure 5. South Korea's corporate sector performance indicators by manufacturing industry in 2012-2018, %

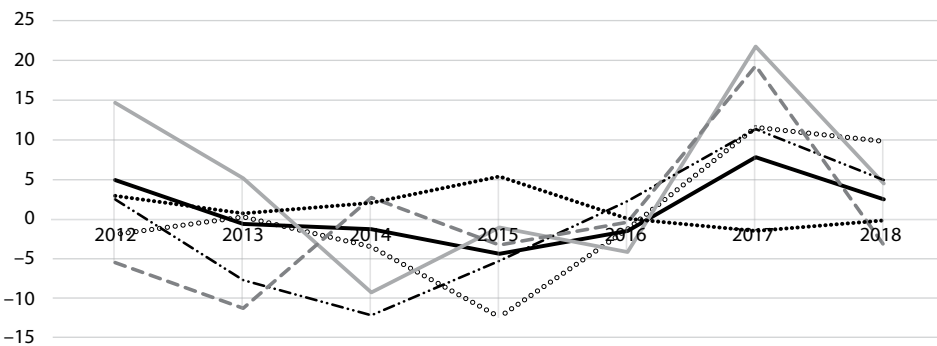
5-1. Темпы прироста активов

5-2. Темпы прироста материально-технических запасов

5-3. Темпы прироста продаж

— Все отрасли ○○○ Химическая промышленность - - - Электрическое оборудование
 — Электроника и IT ●●● Автомобилестроение - - - Прочие машины и оборудование

Источник: составлено авторами на основании данных портала статистической информации Республики Кореи // <http://kosis.kr/>

мер, окончание строительства завода и старт производства, или начало добычи ресурсов) могло вести к снижению притока ПЗИ. Например, в России завершение реализации крупнейшего южнокорейского инвестиционного проекта компании «Хендэ», который позволил довести объем ежегодных южнокорейских вложений в российскую экономику до 430 млн долл. США на рубеже 2010-х гг., привело к снижению притока ПЗИ в последующие годы.

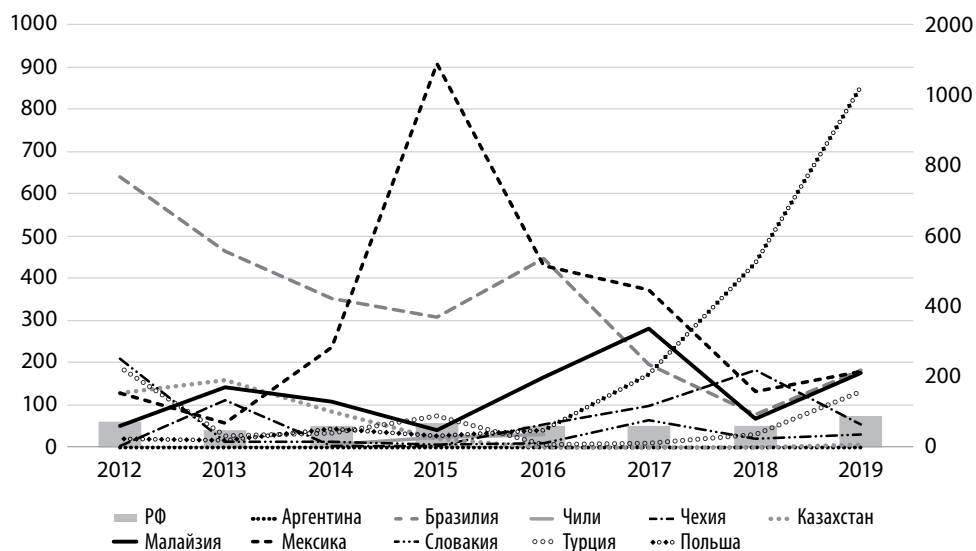
Общее положение дел в компании также является важным фактором их инвестиционной активности. Данные о показателях функционирования крупного бизнеса в Республике Корее, который обеспечивает основной объем ПЗИ, указывают на то, что период с 2012 до 2016 г. в целом был не очень благоприятен с точки зрения роста продаж. Как видно из рисунков 5–1, 5–2, 5–3, в 2012–

2016 гг. наблюдалось падение прироста текущих активов, материально-технических запасов и объема продаж южнокорейского бизнеса. Как правило, в подобные периоды неопределенности решения о новых масштабных инвестиционных проектах маловероятны.

Если сравнить данные 11 стран в разрезе отраслевой структуры южнокорейских ПЗИ, то можно заметить существенные различия. Так, инвестиции в обрабатывающую промышленность не демонстрируют сколько-нибудь ярко выраженного тренда, страновая динамика отличается за известным исключением 2018 г., отмеченного во всех государствах, кроме Польши и Чехии, спадом. На этом фоне инвестиции в российскую промышленность (рис. 6) выглядят более стабильно, хотя объем их меньше, чем в большинстве рассматриваемых юрисдикций.

Рисунок 6. Республике Корее ПЗИ в обрабатывающую промышленность в 11 странах в 2012–2019 гг., млн долл. США

Figure 6. South Korean FDI outflows to manufacturing in 11 countries in 2012–2019, USD million

Источник: [UNCTAD 2020; Korea Exim 2020].

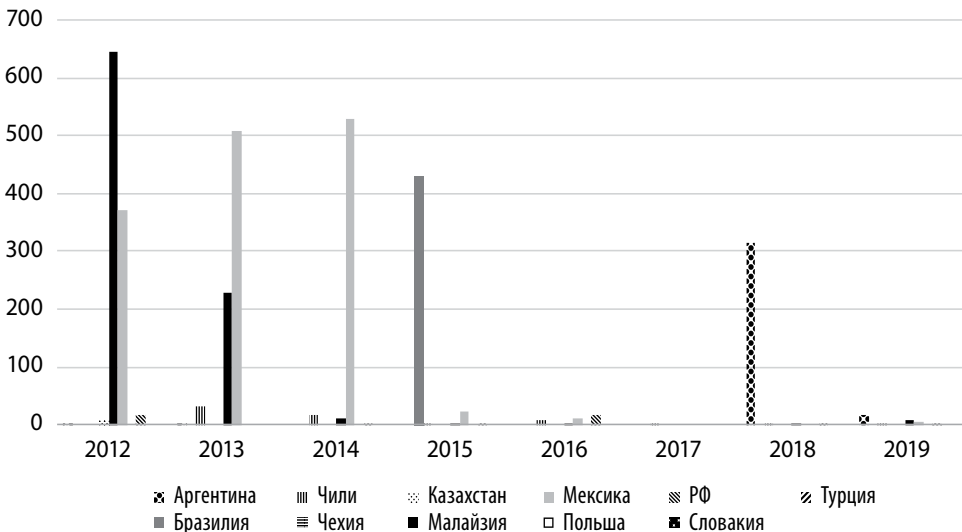
Несмотря на то, что Россия относится к числу стран-экспортеров природных ресурсов, для Республики Кореи характерен низкий уровень вложений в российскую добывающую промышленность. Вместе с тем южнокорейские инвестиции в добывающие отрасли указанных 11 стран также не отличаются стабильностью (рис. 7). После 2015 г. активность на данном направлении и вовсе отсутствовала. Безусловно, не все страны из выборки обладают запасами природных ресурсов. Однако указанная неоднородная динамика, скорее всего, связана с внутренними факторами в экономике стран-реципиентов. После 2014 г. южнокорейское правительство сократило финансирование ресурсных проектов за рубежом, что не могло не сказаться на общей картине. Иными словами, деятельность Сеула на данном

направлении в 2012–2019 гг. была весьма непоследовательной, со всеми вытекающими из этого обстоятельствами.

Наконец, данные о южнокорейских инвестициях в сектор услуг (рис. 8) показывают в целом низкий уровень вложений в России в сравнении с другими рассматриваемыми экономиками. Несмотря на емкий рынок, по объему вложений Россия отстает от стран Латинской Америки и Малайзии в привлечении южнокорейских инвестиций. После небольшого подъема в 2013–2015 гг. ежегодный приток ПЗИ вернулся к уровню 2012 г.

Таким образом, тенденции южнокорейских инвестиций в Россию в 2012–2019 гг. в части общей динамики совпадали с инвестиционной активностью Южной Кореи в рассматриваемых юрисдикциях. Однако были зафиксированы определенные отличия в от-

Рисунок 7. Южнокорейские ПЗИ в добывающую промышленность в 11 странах в 2012–2019 гг., млн долл. США
Figure 7. South Korean FDI outflows to the extractive industry in 11 countries in 2012–2019, USD million

Источник: составлено авторами на основании данных [Korea Exim 2020].

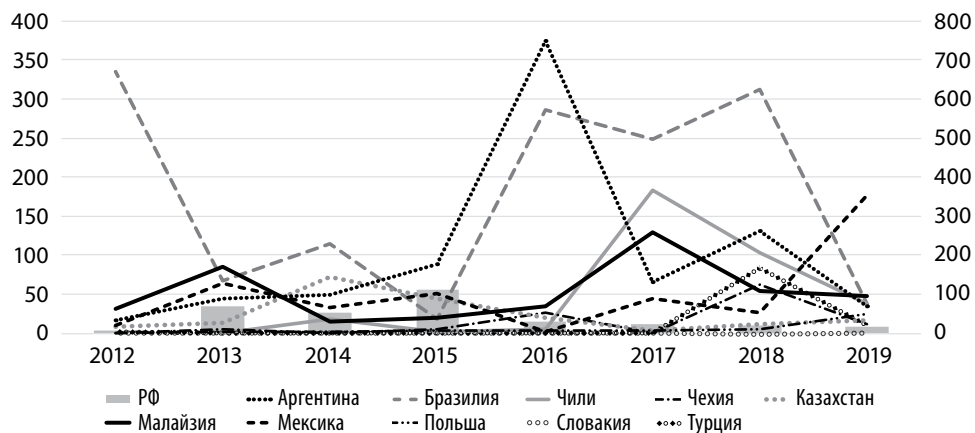
раслевым распределении капиталовложений. Внимание на себя обращают, в частности, инвестиции в обрабатывающую промышленность. Стоит отметить, что инвесторами в данном случае обычно выступают крупные корейские компании – преимущественно ТНК, которые, как отмечалось ранее, определяют место и роль конкретного рынка в своей стратегии. С этой точки зрения России вряд ли можно сравнить с Мексикой, которая характеризуется более низким уровнем стоимости рабочей силы и близостью к американскому рынку, или Бразилией, расположенной в непосредственной близости к рынкам других стран южноамериканского континента и имеющей отличную от России структуру затрат. Соответственно, распределение ПЗИ в отрасли экономики этих стран будут варьироваться.

Применительно к южнокорейским производственным ТНК также необходимо учитывать фактор того, когда корейский бизнес начал осваивать соответствующие рынки. Среди стран выборка Россия, возможно, в силу геогра-

фической близости, оказалась в фокусе раньше, чем многие другие страны. С учетом сроков наступления тех или иных фаз инвестиционного цикла вполне логично предположить, что пик притока южнокорейских ПЗИ в нашу страну был достигнут с определенным опережением.

Наконец, отметим, что за 2000-е гг. южнокорейский бизнес выработал стратегию деятельности на российском рынке, которая не всегда совпадает с видением и приоритетами руководства своей страны. Между тем характер взаимоотношений между корпоративным сектором и государством в Южной Корее таков, что в последние годы государство не оказывает ощутимого прямого влияния на принятие бизнес-единицами решений о выходе на тот или иной зарубежный рынок, в т. ч. рынок Российской Федерации. Безусловно, имеет место косвенное воздействие с помощью различных инструментов фискальной и денежной политики, но окончательное решение остается все же за менеджментом корпораций.

Рисунок 8. Южнокорейские ПЗИ в сектор услуг 11 стран, 2012–2019 гг., млн долл. США
Figure 8. South Korean FDI outflows to the service sector of 11 countries, 2012–2019, USD million

Источник: составлено авторами на основании данных [Korea Exim 2020].

Перспективы развития инвестиционного сотрудничества между Россией и Республикой Корея

В рамках рассматриваемой проблемы закономерно задуматься о возможных тенденциях в южнокорейских инвестициях в России в среднесрочной перспективе. Исходя из представленного выше анализа, можно предположить, что ПЗИ будут развиваться неравномерно и зависеть от того, насколько российский рынок будет представлять интерес для экспансии тех корейских компаний, которые еще на нем не присутствуют. Также в периоды смены фаз инвестиционного цикла следует ожидать заметного сокращения инвестиций. К этому следует добавить и воздействие пандемии. Оно, как представляется, будет ощущаться еще несколько лет, негативно влияя на приток ПЗИ из Республики Кореи.

В качестве потенциальных сфер для инвестирования можно отметить несколько отраслей. Прежде всего это логистика. Дальнейшее развитие и более интенсивное использование дальневосточных транспортных магистралей могло бы придать позитивный импульс двустороннему взаимодействию. В его основе – альтернативные, предоставляющие возможность снизить издержки пути транспортировки грузов южнокорейскими компаниями как в Россию, так и на рынки стран Европы. Вместе с тем есть вероятность того, что перспектива конкуренции с Китаем, который развивает проект «Один пояс – один путь» с подключением к нему маршрутов, проходящих по территории России, может заставлять южнокорейскую сторону проявлять известную осторожность. Уже сегодня китайский бизнес активно использует железные дороги России, что сокращает сроки поставок товаров. В свою очередь южно-

корейские компании преимущественно ориентируются на морские пути, сопряженные с увеличением сроков доставки и расходов, связанных с ней. Но при этом нет указаний на то, что Республика Корея готова более активно использовать возможности, открываемые проектом «Один пояс – один путь».

Отдельного внимания заслуживает добывающий сектор. Как правило, ресурсная дипломатия – вопрос межгосударственных отношений, который требует решений первых лиц соответствующих государств. Низкий уровень инвестиций со стороны Республики Кореи, в частности, связан с непоследовательностью позиции южнокорейской стороны и ее недостаточной активностью. Речь в первую очередь идет о нехватке стабильных контактов на высшем уровне, которые способствовали бы решению проблемных вопросов двусторонних отношений с выходом на практические результаты.

Еще одним направлением, где могут реализовываться совместные инвестиционные проекты, является повышение цифровизации производственных процессов и их дальнейшая адаптация к условиям удаленной работы. На сегодняшний день большая часть соответствующих технологий создается на Западе и в некоторых странах Азии. Сотрудничество с южнокорейскими партнерами способно ощутимо помочь российской промышленности стать активным участником процесса.

Говоря о цифровизации, следует отдельно упомянуть анализ данных для определения предпочтений потребителей. Спрос на различного рода алгоритмы и технологии, аналитическое программное обеспечение в России, как и во многих странах мира, будет оставаться высоким. Прочные позиции корейского бизнеса в производстве технологий для анализа больших данных делают его потенциальным инвестором в эти сферы.

В результате может сложиться особый вектор в развитии двусторонних отношений России и Республики Кореи. Его формирование потребует вовлечения новых участников, создания новой инфраструктуры, более активного диалога по широкому кругу вопросов. Однако реальное приращение инвестиций по указанным направлениям ограничивается пробелами в законодательстве обеих стран и конкуренцией в подходах к принципам регулирования цифровых отраслей. Следует отметить, что единства взглядов по данному вопросу пока нет и среди членов мирового сообщества в целом. Большинство государств пока скорее склонны к проявлению протекционизма, нежели к открытию соответствующих секторов для зарубежных инвестиций. Поэтому проработка вопросов законодательного регулирования и защиты прав интеллектуальной собственности является неотъемлемым условием инвестиционного сотрудничества в этой сфере.

Представляется также целесообразным сделать несколько замечаний относительно одного из тех условий, которые южнокорейский бизнес будет принимать во внимание при инвестировании в Россию. По мнению авторов, в первую очередь, здесь необходимо отметить усиление влияния факторов геополитического характера.

В последние несколько лет санкционное давление стало неотъемлемой частью внешнеполитической стратегии США. В настоящее время происходит его ужесточение и нет предположений ожидать, что частота использования санкций как меры принуждения к определенному образу действий снизится. Администрация Дж. Байдена, скорее всего, продолжит принимать ограничительные меры в отношении России и ряда других государств, особенно в финансовой сфере, и расширит их спектр [Аналитик *Economist* спро-

гнозировал новые санкции 2020]. При этом нельзя исключить и усилия США по вовлечению в этот процесс своих союзников в Западной Европе и других регионах мира [Wadhams, Mohsin 2020].

В этом случае одним из способов ужесточения санкционного режима, с большой долей вероятности, станет расширение так называемых вторичных санкций. Они предусматривают ограничительные меры американского казначейства и Министерства торговли в отношении использования услуг американской банковской системы и возможности получения американских технологий посредством экспортных операций [Dettoni 2019]. Назначение заместителем министра финансов США Адевалле Адейемо указывает на то, что администрация Д. Байдена будет стремиться к тому, чтобы повысить действенность санкций за счет мер финансового надзора и финансовой разведки.

Как демонстрируют ситуации с китайской компанией «Хуавэй» или строительством газопровода по дну Балтийского моря Газпромом, санкции начинают все больше распространяться на иностранные компании и банки, принимающие участие в проектах с российскими или китайскими компаниями. В перспективе может возрасти давление на южнокорейский бизнес, занятый в самых различных сферах, с целью ограничить его деятельность в России. Соответственно, определенное число компаний из Южной Кореи может изменить свои планы на российском направлении из опасений попасть под ограничительные меры американского казначейства или Министерства торговли. В отличие от того же ЕС, у Республики Кореи практически нет в этом контексте механизмов для защиты собственных инвестиционных интересов. В силу союзнических отношений, а также длительных и масштабных торговых связей страна находится в большой зависимости от

США. Многие южнокорейские компании имеют там технологические подразделения, что увеличивает вероятность ограничений на передачу технологий.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что динамика южнокорейских инвестиций в России в целом соответствует общему тренду, который наблюдается в странах с уровнем дохода на душу населения в пределах 10–20 тыс. долл. США. Наблюдаемые отличия могут быть связаны с тем, какое место отводится стране в глобальных стратегиях южнокорейских компаний. Определенное воздействие на различия оказывают и фазы освоения рынков.

Вместе с тем стоит заметить, что поскольку выбранный временной период небольшой, то выявить некую устойчивую закономерность не представляется возможным. Дополнительную аргументацию можно получить в рамках детального изучения данных по накопленным инвестициям, который авторы планируют провести в дальнейшем.

Перспективы развития российско-южнокорейского инвестиционного сотрудничества будут во многом зависеть от положения дел в мировой экономике. В настоящий момент, когда продолжается борьба с пандемией COVID-19, ситуация указывает на то, что ближайшие годы сложно ожидать увеличения объемов инвестирования в Россию. Возрастает действие геополитических факторов, усиливается противостояние между отдельными странами, под вопросом находится функционирование ряда международных экономических организаций. Все эти факторы будут вносить элемент нестабильности в инвестиционное сотрудничество России и Республики Кореи. Вместе с тем определенные шансы на поступатель-

ное развитие сохраняются. Хочется верить, что общими усилиями наших стран их удастся материализовать.

Список литературы

Аналитик *Economist* спрогнозировал новые санкции США против России (2020) // RBC. 4 декабря 2020 // <https://www.rbc.ru/politics/04/12/2020/5fc8bce29a7947f3181c99f9>, дата обращения 18.12.2020.

Сутырин С.Ф., Попова Л.В., Коргун И.А. (2014) Российско-корейские экономические отношения: текущее состояние и перспективы развития // Вестник Санкт-петербургского университета. Серия 5: Экономика. № 3. С. 27–51 // <https://economicsjournal.spbu.ru/article/view/1822/1660>, дата обращения 23.02.2021.

Cheng L.K., Kwan Y.K. (2000) What Are the Determinants of the Location of Foreign Direct Investment? The Chinese Experience // *Journal of International Economics*, vol. 51, no 2, pp. 379–400. DOI: 10.1016/S0022-1996(99)00032-X

Choi S.B., Lee Y.Ch. (2019) 한국 북방 물류의 효율적 운영방안에 관한 연구 [A Study on the Effective Operation of Northern Logistics in Korea] // *한국물류학회지* [Korea Logistics Review],

29권 5호 pp. 61–74 (на корейском).

CJ Cheil Jedang (2020) // <https://www.cjraviollo.ru/about>, дата обращения 10.11.2020.

Dettoni J. (2019) Hunting for String in the Labyrinth. How Can Investors Safely Navigate Current Sanctions Regimes? // *FDI Intelligence*, November 26, 2019 // <https://www.fdiintelligence.com/article/77514>, дата обращения 10.11.2020.

Dunning J.H. (1993) *The Globalization of Business*, London, New York: Routledge.

Fernandez-Arias E. (1996) The New Wave of Private Capital Inflows: Push or Pull? // *Journal of Development Economics*, vol. 48, no 2, pp. 389–418. DOI: 10.1016/0304-3878(95)00041-0

Fratzscher M. (2012) Capital Flows, Push Versus Pull Factors and the Global Financial Crisis // *Journal of International Economics*, vol. 88, no 2, pp. 341–356. DOI: 10.1016/j.jinteco.2012.05.003

Kang S.J., Lee H.S. (2007) The Determinants of Location Choice of South Korean FDI in China // *Japan and the World Economy*, vol. 19, no 4, pp. 441–460. DOI: 10.1016/j.japwor.2006.06.004

Kim B.Ch. (2019) 북극항로 협력 등한-러 무역활성화 구축을 위한 연구 [A Study on the Establishment of the Korea-Russia Trade Activation with the Arctic Sea Route Cooperation] // *貿易學會誌 第 [Korea Trade Review] 第44卷 第4號* 2019.08, pp. 115–128 (на корейском).

Kim J.Y., Driffield N., Love J. (2018) Outward FDI from South Korea: The Relationship between National Investment Position and Location Choice // *Contemporary Issues in International Business* (eds. Castellani D., Narula R., Nguyen Q., Surdu I., Walker J.), Palgrave Macmillan, pp. 251–275. DOI: 10.1007/978-3-319-70220-9_13

Kim J.Y., Driffield N., Temouri Y. (2016) The Changing Nature of South Korean FDI to China // *International Journal of Multinational Corporation Strategy*, vol. 1, no 3/4, pp. 269–287. DOI: 10.1504/IJMCS.2016.081127

Korea Exim (2020). Korean Export-Import Bank Statistical Database // <https://stats.koreaexim.go.kr/main.do>, дата обращения 27.11.2020 (на корейском).

Korea Industrial Complex Corporation (2013). Trends in Korea's Manufacturing OFDI and Proposals for Improvement of the Investment Regime in Korea. Planning Research-2013, Seoul (на корейском).

Korgun I. (2016) Investment Cooperation between Russia and the Republic of Korea during 1999–2009. Major Trends and Main Lessons // *The Russian Economy and Foreign Direct Investment* (eds. Liuh-to R., Sutyryn S., Blanchard J.-M.F.), London, New York: Routledge, pp. 192–212.

Kyeondong Navien (2019) Russian National Brand for the 3rd Consecutive Year // *Biz.Newdaily*, December 16, 2019 // <http://biz.newdaily.co.kr/site/data/html/2019/12/16/2019121600148.html>, дата обращения 12.10.2020 (на корейском).

Lee J.Y. et al. (2015) 한·러 경제협력의 평가와 중장기 비전 [Evaluation of Korea-Russia Economic Cooperation and its Mid- to Long-Term Vision] // [KIEP] 연구보고서연구보고서, 2015년 12월호 (на корейском).

Lee K.S. (2020) In Russia, Korean Companies Are Contributing to the Russia-Korea Relations in Every Sector // *Korea Post*, May 12, 2020 // <http://www.koreapost.com/news/articleView.html?idxno=20742>, дата обращения 12.10.2020 (на корейском).

Lee S.J. (2015) 러시아 극동 개발과 남,북,러 3각 협력 [Development of the Russian Far East and a Triangular Economic Cooperation between ROK-KNDR-RF] // *러시아연구 [Russian Studies] 제25권 제2호* 2015 229–252, pp. 379–400 (на корейском). DOI: 10.1016/S0022-1996(99)00032-X

Song W.Y. (2019) 신북방정책과 남북러 삼각협력: 과제와 발전 전망 [New Northern Policy and South Korea-North Korea-Russia Trilateral Cooperation: Tasks and Development Perspectives] // *IDI 도시연구 제 16호* 2019.12, pp. 45–91 (на корейском).

UNCTAD (2020) // <https://unctad-stat.unctad.org/EN/>, дата обращения 27.11.2020.

Wadhams N., Mohsin S. (2020) Trump Set Record Sanctions Use that Biden Is Likely to Maintain // *Bloomberg*, December 9, 2020 // <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-12-09/trump-set-record-sanctions-use-that-biden-is-likely-to-maintain>, дата обращения 19.12.2020.

Yang P.S., Yin X., Chae W., Cai F., Wang M. (2012) China, World Economy and Korea-China Economic Cooperation // *Korea Institute for International Economic Policy. Research Paper. Policy Analysis-12-01* (на корейском).

Under Discussion

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-10

How Peculiar Are South Korean OFDI to Russia?

Sergey F. SUTYRIN¹⁾

DSc in Economics, Professor, Chair of the World Economy Department
Saint-Petersburg State University, 191123, Tchaikovskogo St., 62, room 402,
Saint-Petersburg, Russian Federation
E-mail: s.sutyurin@hotmail.com, s.sutyurin@hotmail.com
ORCID: 0000-0002-2429-7123

Irina A. KORGUN²⁾

PhD in Economics, Senior Researcher
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 117218, Nakhimovskiy Av.,
32, Moscow, Russian Federation
E-mail: irinakorgun@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1496-4375

CITATION: Sutyurin S.F., Korgun I.A. (2021) How Peculiar Are South Korean OFDI to Russia? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 2, pp. 176–194 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-10

Received: 10.12.2020.

ACKNOWLEDGEMENTS: This research paper was done 1) as a part of RFBR and China Academy of Social Sciences research project no 19-51- 93009 “Trade policy in Russia and China under the transformation of the international trading system” 2) as a part of the Research Project “Regional and Transregional Integration and Its Impact on Economic Development in Russia’s Neighbouring Countries: New Opportunities and Threats for Russia”.

ABSTRACT. *This paper investigates nature of the Korean OFDI in the middle-income countries during the period 2012-2019. The goal is to identify any common features or differences with the observed structure of the Korean OFDI in Russia. The study is based on an assumption that a country’s investment strategies are determined by businesses. In general, business makes investment decisions based on the priorities for resource optimization and profit maximization on a global scale. Under this approach, investments to Russia*

would be a part of a more global strategy of Korean firms. Also, authors discuss prospects for the Russia-Korea investment cooperation under the US sanctions and how ongoing structural changes in the global economy can influence investment decisions of Korean companies.

Obtained results suggest that during the period under investigation, structure of the Korean investment in Russia was similar to the structure observed in other middle-income countries. There are clear signs that investments were motivated by gaining ac-

cess to the market (in other words, they were market-seeking by nature). In the near-term increase in Korean investments to Russia is unlikely due to global recession triggered by Covid-19 pandemic and risks of harder US sanctions.

KEYWORDS: OFDI, Russia-Korea investment cooperation, Korean business, sanctions, Russia, South Korea

References

- Cheng L.K., Kwan Y.K. (2000) What Are the Determinants of the Location of Foreign Direct Investment? The Chinese Experience. *Journal of International Economics*, vol. 51, no 2, pp. 379-400. DOI: 10.1016/S0022-1996(99)00032-X
- Choi S.B., Lee Y.Ch. (2019) A Study on the Effective Operation of Northern Logistics in Korea. *한국물류학회지 [Korea Logistics Review]* 29권 5호 pp. 61-74 (in Korean).
- CJ Cheil Jedang* (2020). Available at: <https://www.cjraviollo.ru/about>, accessed 10.11.2020.
- Dettoni J. (2019) Hunting for String in the Labyrinth. How Can Investors Safely Navigate Current Sanctions Regimes? *FDI Intelligence*, November 26, 2019. Available at: <https://www.fdiintelligence.com/article/77514>, accessed 10.11.2020.
- Dunning J.H. (1993) *The Globalization of Business*, London, New York: Routledge.
- Economist's Expert Projects New US Sanctions against Russia (2020). *RBC*, December 4, 2020. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/04/12/2020/5fc8bce29a7947f3181c9-9f9>, accessed 18.12.2020 (in Russian).
- Fernandez-Arias E. (1996) The New Wave of Private Capital Inflows: Push or Pull? *Journal of Development Economics*, vol. 48, no 2, pp. 389-418. DOI: 10.1016/0304-3878(95)00041-0
- Fratzscher M. (2012) Capital Flows, Push Versus Pull Factors and the Global Financial Crisis. *Journal of International Economics*, vol. 88, no 2, pp. 341-356. DOI: 10.1016/j.jinteco.2012.05.003
- Kang S.J., Lee H.S. (2007) The Determinants of Location Choice of South Korean FDI in China. *Japan and the World Economy*, vol. 19, no 4, pp. 441-460. DOI: 10.1016/j.japwor.2006.06.004
- Kim B.Ch. (2019) The Northern Sea Route and Problems of Development of Korean-Russian Trade. *貿易學會誌 [Korea Trade Review]* 第44卷 第4號 2019.08, pp. 115-128 (in Korean).
- Kim J.Y., Driffield N., Love J. (2018) Outward FDI from South Korea: The Relationship between National Investment Position and Location Choice. *Contemporary Issues in International Business* (eds. Castellani D., Narula R., Nguyen Q., Surdu I., Walker J.), Palgrave Macmillan, pp. 251-275. DOI: 10.1007/978-3-319-70220-9_13
- Kim J.Y., Driffield N., Temouri Y. (2016) The Changing Nature of South Korean FDI to China. *International Journal of Multinational Corporation Strategy*, vol. 1, no 3/4, pp. 269-287. DOI: 10.1504/IJMCS.2016.081127
- Korea Exim* (2020). Korean Export-Import Bank Statistical Database. Available at: <https://stats.koreaexim.go.kr/main.do>, accessed 27.11.2020 (in Korean).
- Korea Industrial Complex Corporation* (2013). Trends in Korea's Manufacturing OFDI and Proposals for Improvement of the Investment Regime in Korea. Planning Research-2013, Seoul (in Korean).
- Korgun I. (2016) Investment Cooperation between Russia and the Republic of Korea during 1999-2009. Major Trends and Main Lessons. *The Russian Economy and Foreign Direct Investment* (eds. Liuhto R., Sutyryn S., Blanchard J.-M.F.), London, New York: Routledge, pp. 192-212.
- Kyeondong Navien (2019) Russian National Brand for the 3rd Consecutive Year. *Biz.Newdaily*, December 16, 2019. Available at: <http://biz.newdaily.co.kr/site/data/html/2019/12/16/2019121600148.html>, accessed 12.10.2020 (in Korean).

Lee J.Y. et al. (2015) Evaluation of Korea-Russia Economic Cooperation and its Mid- to Long-Term Vision. [KIEP] 연구보고서연구보고서, 2015년 12월호 (in Korean).

Lee K.S. (2020) In Russia, Korean Companies Are Contributing to the Russia-Korea Relations in Every Sector. *Korea Post*, May 12, 2020. Available at: <http://www.koreapost.com/news/articleView.html?idxno=20742>, accessed 12.10.2020 (in Korean).

Lee S.J. (2015) Development of the Russian Far East and a Triangular Economic Cooperation between ROK-KNDR-RF. 러시아연구 [Russian Studies] 제25권 제2호 2015 229-252, pp. 379-400 (in Korean). DOI: 10.1016/S0022-1996(99)00032-X

Song W.Y. (2019) New Northern Policy and South Korea-North Korea-Russia Trilateral Cooperation: Tasks and Development Perspectives. *IDI 도시연구 제16호 2019.12*, pp. 45-91 (in Korean).

Sutyryn S., Popova L., Korgun I. (2014) Russia-Korea Economic Cooper-

ation: Current State and Prospects. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, no 3, pp. 27-51. Available at: <https://economicsjournal.spbu.ru/article/view/1822/1660>, accessed 23.02.2021 (in Russian).

UNCTAD (2020). Available at: <https://unctadstat.unctad.org/EN/>, accessed 27.11.2020.

Wadhams N., Mohsin S. (2020) Trump Set Record Sanctions Use that Biden Is Likely to Maintain. *Bloomberg*, December 9, 2020. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-12-09/trump-set-record-sanctions-use-that-biden-is-likely-to-maintain>, accessed 19.12.2020.

Yang P.S., Yin X., Chae W., Cai F., Wang M. (2012) China, World Economy and Korea-China Economic Cooperation. *Korea Institute for International Economic Policy*. Research Paper. Policy Analysis-12-01 (in Korean).